

by Р.Ч. Спрол

Вскоре после начала Реформации, через несколько лет после того, как Мартин Лютер вывесил на дверях церкви в Виттенберге свои 95 тезисов, он издал несколько брошюр, в которых рассматривал различные темы. Одна из работ, вызвавшая наибольшее количество споров – «Вавилонское пленение церкви». В своей книге Лютер возвращается к периоду Ветхого Завета, когда Иерусалим был захвачен и разрушен вавилонской армией, а самых лучших людей увели в плен.

В шестнадцатом столетии Лютер взял образ вавилонского пленения, применил его в своем историческом периоде и написал о новом вавилонском пленении церкви. Современным Вавилоном он называл Рим, который держал в заложниках Евангелие и отрицал библейское понимание оправдания. Можете представить, насколько сильным было противостояние и споры, какую полемику в тот период вызвало такое название, утверждавшее, что церковь не только заблуждалась или ошибалась, но пала и сейчас находится в вавилонском, языческом плену.

□

Я часто спрашиваю себя: если бы Лютер жил в наше время и посмотрел бы на церковь – не на либеральную церковь, но на евангельские церкви, – что бы он сказал? Безусловно, я не могу дать точного ответа, но вот что думаю: если бы Мартин Лютер жил сегодня и решил написать книгу, то она бы называлась «Пелагианское пленение евангельской церкви». Лютер считал, что в основании доктрины оправдания лежит другая богословская тема. Он пишет об этом в своей книге «Рабство воли». Если мы посмотрим на Solas Реформации - sola Scriptura, sola fide, solus Christus, soli Deo gloria, sola gratia – то Лютер был убежден в том, что сердце Реформации – это доктрина благодати; и что доктрине sola fide, оправдание только через веру, предшествует доктрина sola gratia, концепция оправдания только по благодати.

Издательство Флеминг Ревел (Fleming Revell) выпустило книгу Лютера «Рабство воли», предисловие к которой, написанное переводчиками Дж.А. Пакером и О.Р. Джонстоном, можно назвать несколько провокационным с исторической и богословской точек зрения. Вот как оно заканчивается:

«Сегодня протестанты должны задуматься над этими вопросами. Есть ли у нас право называть себя детьми Реформации? Едва ли пионеры (родоначальники) Реформации признали и узнали бы большинство современных протестантов. «Рабство воли» четко

показывает нам, во что они верили о спасении погибающего человечества. В свете этого мы должны задать себе вопрос: не продал ли «послелютеровский» протестантский мир свое право первородства? Не стал ли современный протестантизм следовать скорее за Эразмом, чем Лютером? Не пытаемся ли мы часто минимизировать и не обращать внимания на доктринальные различия ради сохранения «внутреннего» мира? Виновны ли мы в доктринальном индифферентизме - в чем Лютер обвинял Эразма? Верим ли мы в то, что доктрина имеет значение?"

Дж. А. Пакер и О.Р. Джонстон «Предисловие» к «Рабству воли»

Исторический факт, что Лютер, Кальвин, Цвингли и все ведущие протестантские богословы первого периода Реформации придерживались единой позиции в этом вопросе. По другим вопросам у них были различные мнения. Все они утверждали беспомощность человека в грехе и суверенность Бога в благодати. Для всех них эти доктрины были источником жизненной силы христианской веры. Современный редактор работ Лютера сказал следующее:

“Любой, кто отложит эту книгу не осознав, что евангельское богословие стоит или падает на доктрине рабства воли, прочитает ее напрасно. Часто доктрина дарованного оправдания через веру, которая стала центром разногласий в период Реформации, считается сердцем богословия реформаторов, но это не совсем так. В действительности в своих рассуждениях они сосредотачивались на учении Павла, к которому затем обращались Августин и другие, о том, что грешник получает спасение только по дарованной и суверенной благодати, и доктрина оправдания верой была важна для них, потому что она защищала принцип суверенной благодати. Суверенность благодати нашла выражение в их мышлении на более глубоком уровне - в доктрине монергичного возрождения”.

Дж. А. Пакер и О.Р. Джонстон «Предисловие» к «Рабству воли»

Таким образом, вера, которой мы принимаем Христа для оправдания – дар суверенного Бога. Принцип *sola fide* невозможно правильно понять вне более широкого принципа *sola gratia*. Что есть источник веры? Вера – дар Божий, посредством которого мы получаем дарованное Богом оправдание, или же вера - это условие оправдания, которое должен выполнить сам человек? Вы видите разницу? Позвольте объяснить это более простыми словами. Недавно я слышал, как один евангелист сказал: «Если Бог сделает тысячу шагов навстречу вам, чтобы искупить вас, все равно в конечном счете вы должны сделать решающий шаг, чтобы спастись». Подумайте над утверждением одного из самых любимых и ведущих американских благовестников XX столетия, Билли Грэма, который с большим воодушевлением сказал: «99 процентов делает Бог, но вы сами должны сделать этот последний 1 процент».

Что такое пелагианство?

Давайте вернемся к моему названию «Пелагианское пленение церкви». О чем мы

говорим? Пелагий - монах, живший в V веке в Британии. Он был современником величайшего богослова первого тысячелетия истории церкви, если не всего ее периода – Августина Аврелия, епископа Гиппонского в Северной Африке. Мы знаем о Блаженном Августине, о его великих богословских работах, «О Граде Божьем», об «Исповеди» и других, которые остаются христианской классикой.

Августин, кроме того, что он был выдающимся богословом и поразительным интеллектуалом, также был глубоко духовным человеком и человеком молитвы. В одной из своих знаменитых молитв Августин обратился к Богу с безобидными, на первый взгляд, словами: «Дай, что повелишь, и повели, что хочешь». Если бы вы услышали такую молитву – стала бы она для вас ударом? Безусловно, эта молитва стала «ударом» для Пелагия, британского монаха. Когда он услышал эти слова, он начал рьяно протестовать, даже обратился к Риму с просьбой осудить эту ужасную молитву, вышедшую из-под пера Августина. И вот почему. Он (Пелагий) говорил: «Ты, Августин, говоришь, что у Бога есть неотъемлемое право повелевать то, чего Он хочет от творения? Никто не будет с этим спорить. У Бога, Создателя земли и небес, есть право накладывать обязательство на Свое творение и говорить: «Делай это и не делай того». «Повели, что хочешь» - это совершенно обоснованная молитва.

Пелагий был не согласен с другой частью молитвы Августина: «Дай, что повелишь». Он говорит: «О чем ты говоришь? Если Бог – справедливый, если Бог - праведный и святой, и если Бог повелевает Своему творению что-то делать, то безусловно у самого творения есть сила, нравственная способность сделать это, а в противном случае Бог никогда бы не стал требовать такого». И ведь в этом есть смысл. Пелагий говорил о том, что нравственная ответственность всегда и везде подразумевает нравственную способность или просто нравственную возможность. Поэтому, почему мы должны молиться: «Бог, даруй мне дар суметь выполнить то, что Ты повелеваешь мне делать»? Пелагий считал, что такое утверждение бросает тень на последовательность самого Бога, который возложил на людей ответственность за то, что они не могут сделать.

В своих дальнейших работах Августин четко разъясняет, что при сотворении Бог не требовал от Адама и Евы ничего такого, чего бы они не смогли сделать. Но когда в мир вошел грех и человечество пало, Божий закон не был отменен, и Бог не стал изменять Свои требования специально для слабого, падшего состояния творения. Бог действительно наказал Свое творение, осудив его за первородный грех, таким образом каждый человек, рожденный после Адама и Евы, рождается уже во грехе.

Первородный грех – это не первый грех. Это результат первого греха; он относится к испорченной природе, которую мы наследуем, мы рождены во грехе, и зачаты мы в беззаконии. Мы не рождаемся невинными, но мы рождаемся в состоянии греха, у нас падшая природа от рождения. По сути, каждая церковь исторического Всемирного Совета Церквей в определенный момент своей истории и при составлении Символа веры сформулировала доктрину первородного греха. Из библейского откровения мы видим, что если бы мы стали отрицать первородный грех, то это стало бы отрицанием библейского учения о человечестве.

Именно это стало предметом спора между Августином и Пелагием в пятом столетии.

Пелагий утверждал, что первородного греха просто не существует. Грех Адама повлиял на Адама и только на Адама. Вина, падшая природа или испорченность не передались потомкам Адама и Евы. Все рождаются в таком же безгрешном состоянии, в котором был сотворен Адам. Также Пелагий считал, что человек может жить в послушании Богу, быть

нравственно совершенным и для этого ему не нужен ни Христос, ни какая-либо помощь Божьей благодати. Пелагий говорил, что благодать - и вот ключ к различию – содействует обретению праведности. Что значит «содействует»?

Она помогает обрести ее, вам легче обрести ее, но в принципе благодать необязательна. Вы можете быть совершенным и без этого. Пелагий утверждал, что не только теоретически возможно, чтобы некоторые люди жили совершенной жизнью без помощи божественной благодати, но и то, что есть люди, чья жизнь совершенна. Августин говорил: «Нет, нет, нет... природа человека поражена грехом - до самых глубин нашего естества - так сильно, что ни у одного человеческого существа нет нравственных сил выбрать Божью благодать. Человеческая воля в результате первородного греха все еще может выбирать, но она находится в рабстве у своих греховных желаний и предпочтений. Августин описывал состояние падшего человечества как неспособность не грешить. Если сказать простыми словами, то Августин хотел сказать, что в грехопадении человек утратил свою нравственную способность выбирать Божье и сейчас он находится в плену у своих греховных желаний.

В пятом столетии церковь осудила Пелагия и объявила его еретиком. Оранжевый собор, а затем Флорентийский собор и Карфагенский собор осудили пелагианство, и даже, по иронии, Тридентский собор в шестнадцатом веке предал пелагианство анафеме - Каноны шестой сессии, первые три анафемы. Таким образом, на протяжении всей своей истории церковь открыто и обоснованно осуждала пелагианство, потому что оно отрицает падшее состояние природы человека; отрицает доктрину первородного греха.

То, что мы называем полупелагианством, как предполагает приставка «полу-» - это что-то находящееся посередине между «абсолютным» августицианством и «абсолютным» пелагианством. Полупелагианство утверждает следующее: да, было грехопадение; да, есть первородный грех; да, падшее состояние изменило природу человечества, грехопадение очень сильно ослабило его, ослабило настолько, что без помощи божественной благодати никто не может быть избавлен, настолько, что благодать не только помогает нам, но она абсолютно необходима для спасения. Но хотя мы и пали настолько, что без благодати не можем спастись, у нас все равно остается способность принять или отвергнуть благодать, когда она предлагается нам. Воля – слаба, но воля не порабощена. В самом центре нашего существа остается островок праведности, нетронутый грехопадением. Именно этот небольшой остров праведности, участок добродетели, который все еще остается нетронутым в нашей душе или воле, и есть определяющей разницей между адом и раем. Именно этот остров играет важную роль, когда Бог делает тысячу шагов, чтобы достичь нас, но, в конечном счете, именно тот один шаг, который делаем мы, определяет, где мы проведем вечность – в аду или в раю, обратимся ли мы к этой крошечной праведности в глубине нашего существа или нет. Августин не признавал никакого островка праведности, даже такого маленького как коралловый остров в Тихом океане. Он говорил, что это – мифический остров, что воля порабощена и человек мертв в своих грехах.

Ирония в том, что церковь так же жестко осудила полупелагианство, как и само пелагианство. Но если вы обратитесь к документам XVI века и прочитаете, как католики понимали спасение, вы увидите, что Церковь практически отказалась от того, чему учили и Августин и Аквинат. Церковь пришла к выводу, что в человеческой воле все равно остается нетронутая свобода, и что человек должен «сотрудничать» с – и соглашаться с - предваряющей благодатью, которую Бог предлагает ему. Если мы применяем волю, если мы взаимодействуем с теми силами, которые у нас остались, мы спасемся. И таким образом в шестнадцатом веке церковь снова приняла полупелагианство.

В период Реформации все реформаторы разделяли единое мнение о нравственной неспособности падшего человеческого существа выбирать Божье, о том, что все люди в своем спасении абсолютно зависят – не на 99, но на все 100 процентов – от монергичного труда возрождения для того, чтобы прийти к вере, а сама вера – это дар Бога. Нельзя говорить, что нам предлагают спасение, и мы родимся свыше, если мы выберем поверить. Но мы даже поверить не можем, пока сам Бог сначала по Своей благодати и милости через суверенный труд возрождения не изменит нашу душу. Другими словами, все реформаторы соглашались с тем, что пока человек не родится свыше, он не может видеть Царства Божьего, а также и войти в него. В шестой главе Евангелия от Иоанна мы читаем слова Христа: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец» (6:44) - таким образом, необходимое условие для веры и спасения – это возрождение.

Евангельские христиане и вера

Современный протестантизм (евангельское христианство) почти что поголовно и повсеместно учит, что для того, чтобы родиться свыше, человек должен сначала поверить. Вы должны выбрать рождение свыше. Разве не это вы слышите? Опрос, проведенный институтом Джорджа Барны, показал, что более чем 70% людей, «исповедующих евангельскую веру христиан» в Америке верят, что человек, по существу своему, добрый (хороший). И более чем 80% разделяют мнение, что Бог помогает тем, кто помогает себе. Такая точка зрения – или позвольте мне сказать это отрицательно – ни одну из таких точек зрения нельзя назвать полупелагианской. Обе они пелагианские. Говорить, что мы по сути своей хорошие – это пелагианская точка зрения. Я бы хотел предположить, что по крайней мере у тридцати процентов людей, читающих эту статью, и даже больше, если мы действительно узнаем о чем они думают, сердца бьются в ритме пелагианства. Мы переполнены им. Мы им окружены. Мы погружены в него. Мы слышим это каждый день. Мы слышим об этом каждый день в мирской культуре. И мы не только слышим об этом каждый день в мирской культуре, мы слышим это каждый день по христианскому телевидению и по христианскому радио.

В девятнадцатом веке в Америке жил один очень популярный проповедник, написавший книгу по богословию. Эта книга стала результатом изучения им права, и в ней он не стал скрывать свои пелагианские взгляды. Он отрицал не только августинианство, но также и полупелагианство, и твердо стоял на позициях пелагианства, совершенно недвусмысленно сказал, что не было ни грехопадения, ни первородного греха. Этот человек очень сильно атаковал доктрину заместительной жертвы Христа и кроме этого отказался от учения оправдания верой через вменение праведности Христа. Основной тезис этого человека таков: мы не нуждаемся во вменении праведности Христа, потому что у нас самих есть способность быть праведными. Имя этого человека - Чарльз Финней, один из самых уважаемых благовестников в Америке. Если Лютер был прав в том, что

sola fide – это учение, на котором церковь стоит или падает, если то, что говорили реформаторы об оправдании только верой, а также заместительная жертва – важнейшие истины христианства, то единственный вывод, к которому мы можем прийти – Чарльз Финней не был христианином. Я читаю его работу и говорю, что не понимаю, как христианин мог такое написать. И, тем не менее, его портрет вы увидите в Зале славы Евангельского христианства в Америке. Он – святой заступник евангельского христианства XX столетия.

Остров праведности

Очевидно, что вы можете исповедовать пелагианство и быть принятым сегодня в евангельском движении. Свинья уже не только села за стол и положила ноги на стол, а выгнала всех из-за стола. Сегодня современное евангельское христианство с подозрением смотрит на реформатское богословие, которое стало чем-то похожим на третьесортного гражданина евангельского христианства. Вы можете сказать: «Подождите минутку. Давайте не будем обвинять всех в крайностях пелагианства, потому что, в конце концов, Билли Грэм и остальные люди учат тому, что было грехопадение; вы должны получить благодать; первородный грех на самом деле есть; полупелагиане не согласны с неверным мнением пелагиан, что человеческая природа не испорчена». И это действительно так. Без сомнений. Но именно этот островок праведности (на котором у человека все еще есть способности, свои силы повернуться, измениться, принять дар благодати) показывает, почему исторически полупелагианство называют не полуавгустинианство, а именно полупелагианство.

Я слышал, как один благовестник использовал две аналогии для описания искупления. Он говорил, что грех настолько сильно господствует в нас, что мы похожи на человека, который не умеет плавать и падает за борт в штормующем море. И вот уже третий раз он уходит под воду и на поверхности видны только лишь кончики его пальцев, и если кто-нибудь не вмешается, чтобы спасти его, у него нет никаких шансов выжить, нет надежды, он обречен на смерть. Если только Бог не бросит ему спасательный круг, он не спасется. И Бог должен не только бросить этот круг где-то рядом с ним, но именно в такое место, где он смог бы схватить этот круг. Круг должен упасть именно в том самом месте. И все равно этот человек может утонуть, если он не ухватится за круг своими пальцами, и только тогда Бог спасет его. Но до тех пор, пока не выполнено это совсем незначительное действие со стороны человека, он, безусловно, погибнет.

Следующая аналогия: Человек безнадежно болен, он находится в больнице и никто не может ему помочь, его болезнь – смертельна. И у него нет ни малейших шансов на спасение, если только кто-то извне не принесет ему лекарства, которое может спасти его от этой смертельной болезни. И у Бога есть такое лекарство, Он входит с ним в палату. Но человек настолько слаб, что он сам не может принять лекарства, Бог должен налить его в ложку. Но у этого человека коматозное состояние, он даже рта открыть не может, и Бог должен наклониться к нему и открыть его рот. Бог должен влить это лекарство в рот человека, но человек все равно должен проглотить его.

Если мы собираемся использовать эти аналогии, то давайте будем точными. Человек не уйдет под воду третий раз; он уже утонул и лежит на дне океана. Именно там вы были, когда вы были мертвы в своих грехах, жили по законам этого мира и под управлением князя этого мира. И когда вы были мертвы, Бог оживил вас со Христом. Бог нырнул на дно океана и вытащил мертвое тело, вдохнул в него дыхание своей жизни и воскресил

вас из мертвых. И вы не умирали от смертельной болезни в больнице, но вы уже родились мертвым. Именно об этом говорит Библия: нравственно мы мертворожденные.

Есть ли у нас воля? Конечно, у нас есть воля. Кальвин говорил, что если под свободной волей вы подразумеваете способность выбирать, что вы желаете, тогда у всех нас есть свободная воля. Если же под свободной волей вы подразумеваете способность павшего человека быть предрасположенным и выбирать то, что угодно Богу, но без Его предваряющего монергичного труда возрождения, то тогда свободная воля – это слишком претенциозный термин, чтобы применить его к человеку.

Полупелагианское учение о свободной воле, которое преобладает сегодня в евангельском мире – это языческий взгляд, отрицающий пленение человеческого сердца грехом. Оно недооценивает влияние греха на нас.

Никто из нас не хочет смотреть на вещи реально. Библейское учение об испорченности человеческой природы – жестоко. Мы не слышим, чтобы апостол Павел говорил: «Знаете, жаль, конечно, что в этом мире есть грех; никто не совершенен. Но ободритесь. По сути своей мы хорошие». Даже если вы читаете Писание поверхностно, вы можете увидеть, что оно отрицает это.

Давайте вернемся к Лютеру. Где источник веры, и какой у нее статус? Она дарована Богом и через нее мы получаем оправдание, или же вера – условие оправдания и мы сами должны выполнить это условие? Вера – это "дело"? Вера – это дело, которое Бог оставил для нас? Недавно я разговаривал с некоторыми людьми из Гранд Рапидса, штат Мичиган. Я говорил о sola gratia. Одному человеку это не понравилось.

Он спросил: «Не хотите ли вы сказать, что в конечном счете именно Бог суверенно возрождает или не возрождает сердце?»

Я ответил: «Да», и ему это очень не понравилось. Я спросил, христианин ли он.

Он сказал, что да.

И тогда я задал вопрос: «У вас есть неверующие друзья?»

Он ответил: «Конечно, есть».

Я спросил: «Почему вы – христианин, а ваши друзья - нет? Потому что вы лучше, чем они, вы праведнее их?» Он далеко не глупый человек. Он не собирался отвечать: «Да, потому что я праведнее их. Я делаю все правильно, а мои друзья нет». Он знал, к чему я веду, задав этот вопрос.

И он ответил: «Нет, конечно же, нет».

Я спросил: «Тогда объясните мне почему. Потому что вы умнее своих друзей?»

Он ответил: «Нет».

Но он не согласился с тем, что главный, решающий фактор – Божья благодать. Он не пришел к этому. И через пятнадцать минут нашего разговора он сказал: «Хорошо, я скажу вам. Я христианин, потому что я поступил правильно, я выбрал правильный ответ, а мои друзья – нет».

На что этот человек полагался в своем спасении? Не на свои дела в общем, но на то, что он уже сделал. А он был протестантом, евангельским христианином. Но его понимание спасения ничем не отличалось от римско-католического понимания.

Суверенность Бога и спасение

Хочу задать вопрос: спасение – это Божий дар или же мы можем достичь этого своими собственными силами? Зависит ли наше спасение полностью от Бога или, в конечном счете, оно зависит от того, что мы сами должны сделать? Те, кто верят в последнее, то есть в то, что, в конечном счете, спасение зависит от того, что мы должны сделать сами, отрицают полную беспомощность человечества в грехе и утверждают, что форма полупелагианства – в конце концов правильная. Не удивительно, что позже реформатское богословие обвинило арминианство в том, что оно в принципе вернулось к Риму, потому что в сущности превратило веру в достойную поощрения работу, и предало Реформацию, потому что отрицало суверенность Бога в спасении грешников, что было основным религиозным и богословским принципом реформатской мысли. Арминианство, с точки зрения Реформации, стало отказом от христианства Нового Завета в пользу иудаизма Нового Завета. Потому что полагаться в вере на себя ничем не отличается от того, чтобы полагаться на себя в делах – и первое и второе можно назвать нехристианским и антихристианским. В свете того, что Лютер сказал Эразму, не остается сомнений в том, что он поддержал бы такое суждение.

И, тем не менее, сегодня этот взгляд преобладает в евангельских кругах. И до тех пор, пока полупелагианство, которое по сути своей – просто слегка завуалированная версия настоящего пелагианства, преобладает в церкви, я не знаю, что произойдет. Однако я знаю, чего не произойдет: не будет новой Реформации. Пока мы не смиримся и не поймем, что ни одного человека нельзя назвать островом праведности и ни у одного человека нет такого острова праведности, что наше спасение полностью зависит от Божьей благодати, мы не сможем уповать на благодать и радоваться величию суверенности Бога; мы не избавимся от языческого влияния гуманизма, которое превозносит человека и ставит его в центр религии. Пока это не произойдет, новой Реформации не будет, потому что в сердце реформаторского учения, в его центре – поклонение и благодарность Богу, и только Богу. Soli Deo Gloria, Одному Богу слава.

Источник: reformed.org.ua

Перевод с английского языка

Оригинальное название статьи: "The Pelagian Captivity of the Church" (R.C. Sproul)